

ИВ.БУНИНЪ

РЪЧНОЙ
ТРАКТИРЪ

1945

Складъ Изданія:

M. Z E T L I N

112 W. 72nd Street,   New York 23, N. Y.

ИВ. БУНИНЪ

РЪЧНОЙ ТРАКТИРЪ

НЬЮ-ІОРКЪ

1945

Printed by
GRENICH PRINTING CORP.
151 West 25th Street, New York.

РЪЧНОЙ ТРАКТИРЪ

В

«Прагъ» сверкали люстры, игралъ среди обѣденнаго шума и говора струнный португальскій оркестръ, не было ни одного свободнаго мѣста. Я постоялъ, оглядываясь, и уже хотѣлъ уходить, какъ увидѣлъ знакомаго военнаго доктора, который тотчасъ пригласилъ меня къ своему столику въ нишѣ возлѣ окна, открытаго на весеннюю теплую ночь, на гремящій трамваями Арбатъ. Пообѣдали вмѣстѣ, порядочно выпивъ водки и кахетинскаго, разговаривая о недавно созванной Государственной Думѣ, спросили кофе. Докторъ вынулъ старый серебряный портсигаръ, предложилъ мнѣ свою асмоловскую «пушку» и, закуривая, сказал :

— Да, все Дума да Дума... Не выпить ли намъ коньяку? Грустно что-то.

Я принялъ это въ шутку, человекъ онъ былъ характера спокойнаго и суховатаго (крѣпкій и сильный сложеніемъ, къ которому очень шла военная форма, жестко-рыжій, с серебромъ на вискахъ), но онъ серьезно добавилъ:

— Отъ весны, должно быть, грустно. Къ старости да еще холостой становишься вообще гораздо чувствительнѣе, чѣмъ въ молодости. Слышите, какъ пахнетъ тополемъ, какъ звонко гремятъ

трамвай? Кстати, закроемъ-ка окно, неуютно, — сказалъ онъ, вставая. — Иванъ Степанычъ, Шустовскаго...

Пока старый половой Иванъ Степанычъ ходилъ за шустовскимъ, онъ разсѣянно молчалъ. Когда подали и налили по рюмкѣ, задержалъ бутылку на столѣ и продолжалъ, хлебнувъ коньяку и изъ горячей чашечки:

— Тутъ еще вотъ что — нѣкоторыя воспоминанія. Передъ вами заходилъ сюда поэтъ Брюсовъ съ какой-то худенькой, маленькой дѣвицей, похожей на бѣдную курсисточку, что-то четко, рѣзко выкрикивалъ своимъ картавымъ, в носъ лающимъ голосомъ метротелю, подбѣжавшему къ нему, видимо, с извиненіями за отсутствіе свободныхъ мѣстъ, — мѣсто, должно быть, было заказано по телефону, но не оставлено, — потомъ надменно удалился. Вы его хорошо знаете, но и я съ нимъ немного знакомъ, встрѣчаюсь въ кружкахъ, интересующихся старыми русскими иконами, — я ими тоже интересуюсь и уже давно, съ волжскихъ городовъ, гдѣ служилъ когда-то нѣсколько лѣтъ. Кромѣ того и слышанъ о немъ достаточно, о его романахъ между прочимъ, такъ что и вы и я испытали, думаю, одинаковыя чувства къ этой, несомнѣнно, очередной его поклонницѣ и жертвѣ. Трогательна, но и жалка была она ужасно, растерянно и восторженно глядѣла то на этоть, вѣрно, совсѣмъ непривычный ей ресторанный блескъ, то на него, пока онъ скандировалъ свой лай, демонически играя черными глазами и рѣсницами. Вотъ это-то и навело меня на воспоминанія. Расскажу вамъ одно изъ нихъ, вызванное именно имъ, благо оркестръ уходитъ и можно посидѣть спокойно...

Онъ уже покраснѣлъ отъ водки, отъ кахетинскаго, отъ коньяку, какъ всегда краснѣютъ рыжіе отъ вина, но налилъ еще по рюмкѣ.

— Я вспомнилъ, — началъ онъ, — какъ лѣтъ двадцать тому назадъ шелъ однажды по улицамъ одного приволжскаго города нѣкій довольно молодой военный врачъ, то есть, попросту говоря, я самый. Шелъ по пустыкамъ, чтобы бросить какое-то письмо въ почтовый ящикъ, съ тѣмъ беззаботнымъ благополучіемъ въ

душѣ, что иногда испытываетъ человѣкъ безъ всякой причины въ хорошую погоду. А тутъ какъ разъ погода была прекрасная, тихій, сухой солнечный вечеръ начала сентября, когда на тротуарахъ такъ пріятно шуршать подъ ногами опавшія листья. И вотъ, что-то думая, случайно поднимаю я глаза и вижу: идетъ впереди меня скорымъ шагомъ и какъ будто озабоченно очень подтянутая дѣвушка въ сѣромъ костюмѣ, въ сѣренькой красиво изогнутой шляпкѣ, съ сѣрымъ зонтикомъ въ рукѣ, обтянутой оливковой лайковой перчаткой. Вижу и чувствую, что что-то мнѣ въ ней ужасно нравится, а кромѣ того кажется нѣсколько страннымъ: почему и куда такъ спѣшить? Удивляться, казалось бы, нечему — мало ли бываетъ у людей спѣшныхъ дѣлъ. Но все-таки это почему-то интригуетъ меня. Безсознательно прибавляю шагу и себѣ, почти нагоняю ее — и, оказывается, не напрасно. Впереди, на углу, старая низкая церковь, и я вижу, что она направляется прямо къ ней, хотя день будничныи и такой часъ, когда никакой службы по церквамъ еще нѣтъ. Тамъ она взбѣгаетъ на паперть, съ трудомъ отворяетъ тяжелую дверь, а я опять за ней и, войдя, остаиваюсь у порога. Въ церкви пусто, и она, не видя меня, скорымъ и легкимъ шагомъ, ровно и стройно, идетъ къ амвону, крестится и гибко опускается на колѣни, закидываетъ голову, прижимаетъ руки къ груди, уронивъ зонтикъ на полъ, и смотритъ на алтарь тѣмъ, какъ видно по всему, настойчиво молящимъ взглядомъ, какимъ люди просятъ Божьей помощи въ большомъ горѣ или въ горячемъ желаніи чего-нибудь. Въ узкое съ желѣзной рѣшеткой окно слѣва отъ меня свѣтитъ желтоватый вечерній свѣтъ, спокойный и будто тоже старинный, задумчивый, а впереди, въ сводчатой и приземистой глубинѣ церкви, уже сумрачно, только мерцаетъ золото кованныхъ съ чудесной древней грубостью ризъ на образахъ алтарной стѣны, и она, на колѣняхъ, не сводитъ съ нихъ глазъ. Тонкая талія, лира зада, каблучки уткнувшейся носками въ полъ легкой обуви... Потомъ нѣсколько разъ прижимаетъ платочекъ къ глазамъ, быстро беретъ съ полу зонтикъ, точно рѣшившись на что-то, гибко встаетъ, бѣжитъ къ выходу, внезапно видитъ мое лицо — и меня просто поражаетъ своей красотой ужаснѣйшій

испугъ, вдругъ мелькнувшій въ ея блестящихъ слезами глазахъ...

Въ сосѣдней залѣ потухла люстра, — ресторанъ уже опустѣлъ, — и докторъ взглянулъ на часы.

— Нѣтъ, еще не поздно, — сказалъ онъ. — Всего десять. Вы никуда не спѣшите? Ну такъ посидимъ еще немного, я доскажу вамъ эту довольно странную исторію. Странно было въ ней прежде всего то, что въ тотъ вечеръ, то есть, вѣрнѣе, поздно вечеромъ, я опять встрѣтилъ ее. Мнѣ вдругъ вздумалось поѣхать в лѣтній трактиръ на Волгѣ, гдѣ я былъ всего два, три раза за все лѣто, да и то только за тѣмъ, чтобы посидѣть на рѣчномъ воздухѣ послѣ жаркаго дня въ городѣ. Почему я поѣхалъ именно въ этотъ уже свѣжій вечеръ, Богъ вѣдаетъ: словно руководило мною что-то. Можно, конечно, сказать, что вышла простая случайность: поѣхалъ человекъ отъ нечего дѣлать, и нѣтъ ничего удивительнаго въ новой случайной встрѣчѣ. Разумѣется, все это вполне справедливо. Но почему же вышло и другое, то есть то, что я встрѣтилъ ее чортъ знаетъ гдѣ и что вдругъ оправдались какія-то смутныя догадки и предчувствія, испытанныя мною, когда я въ первый разъ увидалъ ее и ту сосредоточенность, какую-то тайную тревожную цѣль, съ которой она шла въ церковь и тамъ такъ напряженно и молча, то есть чѣмъ-то самымъ главнымъ, самымъ подлиннымъ, что есть въ насъ, молила о чемъ-то Бога? Приѣхавъ и совсѣмъ забывъ о ней, я долго и скучно сидѣлъ одинъ въ рѣчномъ кабацѣ, очень дорогомъ, кстати сказать, извѣстномъ своими купеческими ночными кутежами, нерѣдко тысячными, и безъ всякаго вкуса глоталъ отъ времени до времени жигулевское пиво, вспоминая Рейнъ и швейцарскія озера, на которыхъ былъ лѣтомъ въ прошломъ году, и думая о томъ, какъ вульгарны всѣ провинціальныя русскія мѣста загородныхъ развлеченій, въ частности и приволжскія... Вы бывали въ приволжскихъ городахъ и въ подобныхъ трактирахъ на водѣ, на сваяхъ?

Я отвѣтилъ, что Волгу знаю мало, на поплавахъ тамъ не бывалъ, но легко представляю себѣ ихъ.

— Ну, конечно, — сказалъ онъ. — Русская провинція вездѣ довольно одинакова. Одно только тамъ ни на что не похоже —

сама Волга. Съ ранней весны и до зимы она всегда и всюду необыкновенна, во всякую погоду и что днемъ, что ночью. Ночью сидишь, напримѣръ, въ такомъ трактирѣ, смотришь въ окна, изъ которыхъ состоятъ три его стѣны, а когда въ лѣтнюю ночь они всѣ открыты на воздухъ, смотришь прямо въ темноту, въ черноту ночи, и какъ-то особенно чувствуешь все это дикое величїе водныхъ пространствъ за ними: видишь тысячи разсыпанныхъ разноцвѣтныхъ огней, слышишь плескъ идущихъ мимо плотовъ, переключку мужицкихъ голосовъ на нихъ или на баржахъ, на бѣлянахъ, предостерегающїе другъ друга крики, разнотонную музыку то гулкихъ, то низкихъ пароходныхъ гудковъ и сливающїяся съ ними терціи какихъ-нибудь шибко бѣгущихъ рѣчныхъ паровичковъ, вспоминаешь всѣ эти разбойничьи и татарскїя слова — Балахна, Василь-Сурскъ, Жигули, Батраки, Хвалынскъ — и страшныя орды грузчиковъ на ихъ пристаняхъ, потомъ всю несравненную красоту старыхъ волжскихъ церквей — и только головой качаешь: до чего в самомъ дѣлѣ ни съ чѣмъ не сравнима эта самая наша Русь! А смотришь вокругъ — что это собственно такое, этотъ трактиръ? Свайная постройка, бревенчатый сарай съ окнами въ топорныхъ рамахъ, уставленный столами подъ нечистыми скатертями и тяжелыми дешевыми приборами, гдѣ въ солонкахъ соль перемѣшана съ перцемъ и салфетки пахнутъ сѣрымъ мыломъ, дощатый помостъ, то есть балаганная вѣстрада для балалаечниковъ, гармонистовъ и арфянокъ, освѣщенная по задней стѣнѣ керосиновыми лампочками съ ослѣпительными жестяными рефлексорами, желтоволосые половые, хозяинъ изъ мужиковъ съ толстыми волосами, съ медвѣжьими глазками — и какъ соединить все это съ тѣмъ, что тутъ то и дѣло вышивается за ночь на тысячу рублей Муму и Редереру! Все это, знаете, тоже Русь... Но не надоѣлъ ли я вамъ?

— Помилуйте! — сказалъ я.

— Ну такъ позвольте кончить. Я все это клоню къ тому, въ какомъ похабномъ мѣстѣ вдругъ опять встрѣтилъ я ее со всей ея чистотой, благородной прелестью и съ какимъ спутникомъ! Къ полночи трактиръ сталъ оживать и наполняться: зажгли под по-

---

только огромную и страшно жаркую лампу, лампы по стѣнам, лампочки на стѣнѣ за помостомъ, вышелъ цѣлый полкъ половыхъ, повалила толпа гостей: конечно, купеческіе сынки, чиновники, подрядчики, пароходные капитаны, труппа актеровъ, гастролировавшихъ въ городѣ... Половые, развратно изгибаясь, забѣгали съ подносами, въ компаніяхъ за столами пошелъ галдежь, хохотъ, поплы табачный дымъ, на помостъ вышли и въ два ряда сѣли по ея бокамъ балалаечники въ оперно-крестьянскихъ рубахахъ, въ чистенькихъ онучахъ и новенькихъ лаптяхъ, за ними вышелъ и фронтомъ сталъ хоръ нарумяненныхъ и набѣленныхъ блядченокъ, одинаково заложившихъ руки за спину и съ ничего не выражающими лицами, рѣзкими голосами подхватившихъ подъ зазвенѣвшія балалайки жалостную, протяжную пѣсню про какого-то несчастнаго «война», будто-бы вернушагося изъ долгаго турецкаго плѣна: «Изво рад-ныи-и ни узнали-и, спреси-и-ли воин-а, кто ты...» Потомъ вышелъ съ огромной гармоньей въ рукахъ какой-то «знаменитый Иванъ Грачевъ», сѣлъ на стулъ у самого края помоста и тряхнулъ густыми, хамски разобранными на прямой рядъ бѣлобрысыми волосами: морда полотера, желтая косоворотка, распитая по высокому вороту краснымъ шелкомъ, жгутъ краснаго пояса съ длинно висящими мохрами, новые сапоги съ лакированными голенищами... Тряхнулъ волосами, уложилъ на поднятое колѣно гармонію-трехрядку въ черныхъ съ золотомъ мѣхахъ, устремилъ оловянные глаза куда-то вверхъ, сдѣлалъ заливчатскій переборъ на ладахъ — и зарычалъ, запѣлъ ими, ломая, извивая и растягивая мѣхъ толстой змѣей, перебирая по ладамъ съ удивительнѣйшими выкрутасами да все громче, рѣшительнѣе и разнообразнѣе, потомъ вскинулъ морду, закрылъ глаза и залился женскимъ голосомъ: «Я вечеръ въ лужкахъ гуляла, грусть хотѣла разогнать...» Вотъ въ ту-то самую минуту и увидалъ я ее и, конечно, не одну: какъ разъ въ это время всталъ, чтобы позвать полового и заплатить за пиво, да и такъ и ахнулъ: отворилась снаружи дверь за помостомъ и появилась она, въ какомъ-то картузикѣ пѣвта хаки, въ непромокаемомъ пальто того же цвѣта с пясомъ, — правда, хороша она была во всемъ этомъ удивительно,

---

похожа на высокаго мальчика! — а за нею, держа ее за локоть, нѣето небольшого роста, въ поддевѣ и въ дворянскомъ картузѣ, темноликій и уже морщинистый, съ черными безпокойными глазами... И, понимаете, я, что называется, свѣта Божьяго не взвидѣлъ! Я узналъ въ немъ одного моего знакомаго, промотавшагося помѣщика, пьяницу, развратника, бывшаго гусарскаго поручика, выгнаннаго изъ полка, и, ничего не соображая, не думая, кинулся впередъ между столами такъ стремительно, что настигъ его и ее почти при входѣ, — Иванъ Грачевъ еще кричалъ: «Я цвѣточекъ тамъ искала, чтобы милому послать...» Когда я подбѣжалъ къ нимъ, онъ, взглянувъ на меня, успѣлъ весело крикнуть: «а, докторъ, здравствуйте», въ то время, какъ она поблѣднѣла до гробовой синевы, но я оттолкнулъ его и бѣшено зашептала ей: «Вы, въ этомъ кабацѣ! Въ полночь, съ развратнымъ пьяницей, шулеромъ, извѣстнымъ всему уѣзду и городу!» Я схватилъ ее за руку, грозя изувѣчить его, если она сію-же минуту не выйдетъ со мной вонъ отсюда. Онъ оцѣпенѣлъ — что-жъ онъ могъ, зная, что я могу вотъ этими руками подковы ломать! Она повернулась и, наклонивъ голову, пошла къ выходу. Я догналъ ее подъ первымъ фонаремъ на булыжной набережной, взялъ подъ руку — она не подняла головы, не освободила руки. За вторымъ фонаремъ, возлѣ скамьи, она остановилась и, уткнувшись въ меня, задрожала отъ слезъ. Я посадилъ ее на скамью, одной рукой держа ея мокрую отъ слезъ, милую, тонкую дѣвичью руку, другой обнимая за плечо. Она несвязно выговаривала: «Нѣтъ, неправда, онъ хорошій... онъ несчастный, но онъ добрый, великодушный, беззаботный...» Я молчалъ, — возражать было бесполезно. Потомъ кликнулъ проѣзжавшаго мимо извозчика. Она стихла и мы въ молчаніи поднялись въ городъ. На площади она тихо сказала: «Теперь пустите меня, я пойду пѣшкомъ, я не хочу, чтобы вы знали, гдѣ я живу» и, вдругъ поцѣловала мнѣ руку, соскочила и, не оглядываясь, неловко пошла вкось по площади... Больше я никогда не видѣлъ ее и такъ и не знаю до сихъ поръ, кто она, что она...

Когда мы расплатились, одѣлись внизу и вышли, докторъ дошелъ со мной до угла Поварской и мы пріостановились, что-

---

бы проститься. Было пусто и тихо — до новаго оживленія къ полночи, до разѣзда изъ театровъ и ужиновъ въ городѣ и за городомъ. Небо было черно, чисто блестяли фонари подъ молодой, нарядной зеленью на Пречистенскомъ бульварѣ, мягко пахло весеннимъ дождемъ, помочившимъ мостовья, пока мы сидѣли въ «Прагѣ».

— А знаете, — сказалъ докторъ, поглядѣвъ кругомъ, — я жалѣлъ потомъ, что, такъ сказать, спасъ ее. Были со мной и другіе случаи въ этомъ родѣ... А зачѣмъ, позвольте спросить, я вмѣшивался? Не все ли равно, чѣмъ и какъ счастливъ человѣкъ! Последствія? Да вѣдь все равно они всегда существуютъ: вѣдь ото всего остаются въ душѣ жестокіе слѣды, то есть воспоминанія, которыя особенно жестоки, мучительны, если вспоминается что-нибудь счастливое... Ну, до свиданія, очень радъ былъ встрѣтиться съ вами.

27. X. 43.

Ив. Бунинъ.

Художественное оформление
М. ДОБУЖИНСКАГО

